

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)-445
Б68

James P. Blaylock
HOMUNCULUS

Перевод с английского
Алан Кубатиев

Послесловие
Николай Караев

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник-иллюстратор
Сергей Жужнев

Публикуется с разрешения автора
и его литературного агента *Zeno Agency Limited*
при содействии *Агентства Александра Корженевского*

Блэйлок Дж.

Б68 Гомункул : [роман] / Джеймс Блэйлок; [пер. с англ. А. Кубатиева]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 472 с. — (Серия «Приключения Лэнгдона Сент-Ива»).

ISBN 978-5-906986-81-8

Викторианская эпоха, затянутые туманной пеленой улицы Лондона. В тусклом небе проплывает дирижабль: за его штурвалом стоит скелет в истлевшем сюртуке, а в гондоле спрятано что-то удивительное, может, драгоценное. Но что? За разгадкой тайны воздушного судна охотятся члены Королевской академии наук, корыстный проповедник Армагеддона, изувер-вивисектор с обезумевшим подручным, лишенный совести миллионер и... разношерстная компания поборников истины во главе с ученым-изобретателем Лэнгдоном Сент-Ивом.

Под силу ли таинственному «существу из бутылки», прибывшему на Землю в незапамятные времена, уберечься от хищных лап злодеев?

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7)-445

© James P. Blaylock, 1986, 2013
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-81-8

Посвящается Вики
и Тиму Пауэрсам —
за фонтаны отличных идей,
безграничную дружбу
и веселые пирушки,
а также Серене Пауэрс,
которая заслуживает куда большего,
чем это скромное сочинение.

Уильям Хэзлитт шлет свои извинения
Дженни Банн.

Напившись чаю и сидя перед опустевшей чашкой «напитка, веселящего без дурмана», аромат которого обволакивает мозг, сколь восхитительно раздумывать о том, что именно заказать на ужин: яйца с ветчиной, тушеного с луком кролика или же превосходнейшие телячьи котлеты! Однажды Санчо в сходной ситуации остановился на говяжьём студне; и выбор его, хоть и вынужденный, заслуживает внимания¹.

*Уильям Хэзлитт.
О путешествиях*

Я предпочел бы продолжать цитату: хоть мы нынче и отменные искусники, писать как Хэзлитт все же не способны. И, кстати говоря, эссе Хэзлитта — незаменимый спутник для такого рода путешествий, как и томик стихов Эшблесса²; а уж за приятственность компании «Тристрама Шенди»³ я лично готов поручиться.

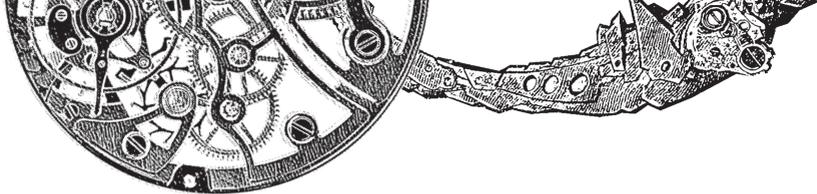
*Роберт Льюис Стивенсон.
Маршруты прогулок⁴*

¹ Цитата приведена в переводе С. Шик.

² Эшблесс, Уильям — литературная мистификация; американский поэт XIX века, измышленный Робертом Блэйлоком и Тимом Пауэрсом в их бытность студентами Калифорнийского университета. Публиковался в университетском журнале. — *Здесь и далее примеч. перев.*

³ Полное название «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» — незавершенный юмористический роман британского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

⁴ Цитата из вымышленного Блэйлоком произведения Роберта Стивенсона.

ПРОЛОГ

ЛОНДОН. 1870

.....

Косматые, как овечья шерсть, тучи выстроили арку над проливом Святого Георга, огромным луком выгнулись от залива Кардиган вокруг мыса Страмбл-Хед и портовых огней Милфорд-Хейвена, скрыли звездное небо по краям — над Суонси и Кардиффом. За Бристолем тучи редели и, расступаясь, спешили прочь по небесному тракту, который протянулся к укутаным в тени холмам Котсуолда и истокам Темзы, а оттуда на восток — к Оксфорду, Мейденхеду и Лондону... Но вот звезды замерцали, исчезая, а молодой полумесяц тускло блистал перед ними, словно раздутый ветром парус темного судна, скользящего среди небесных островов на волнах звездного отлива.

Гонимая ветром, на юго-восток вслед за месяцем — через всю северную Атлантику от самой Исландии, — неумолимо приближаясь к Лондону, смещалась овальная тень.

За два часа до рассвета ветер над Челси сделался порывистым, а небо просветлело, как набранная в бутылку речная вода: тучи разошлись далеко за горизонт, скапливаясь на западе и востоке. Листья, пыль и клочки бумаги, кружа, неслись во тьме через парк Баттерси, над составленными вдоль берега прогулочными лодками, огибали башню собора Святого Луки и исчезали во тьме. Ветер, о котором и не подозревал спящий город, немало докучал горбуну, правившему двуколкой по набережной Челси в сторону Пимлико, и тот вовсю клял непогоду. Лишь стянутый веревками, бугрящийся брезент скрывал от праздных глаз чудовищную поклажу его убогой повозки.

Горбатый возница глянул через плечо. Край брезента хлопал на ветру; надо бы поправить, ведь негоже открывать груз, да время дороже золота. Город начинал шевелиться. Телеги усердных лоточников и зеленщиков уже гремели по брусчатке, устремившись к рынку, а лодки с уловом устриц бесшумно скользили по мелководью Челси в сторону торговых рядов Биллингсгейта⁵.

И все же горбун натянул поводья, спустился на мощеную мостовую и потуже закрепил брезент. Когда он закончил и отвернулся, ветер с северо-востока ударил ему в спину; из-под брезента пахнуло гнилостным зловонием. Такова

⁵ Крупнейший рыбный рынок Лондона (XVI—XX вв.).

цена научного знания. Уже с ногой на подножке, горбун вдруг замер, охваченный страхом: впереди застыл прохожий с ручной тележкой, полной тряпья. Выпучив глаза и изумленно открыв рот, он стоял без движения. Горбун смерил помеху мрачным взглядом, да только его немая угроза растворилась в утренней мгле.

Но вовсе не горбун и не его повозка потрясли старьевщика: тот смотрел ввысь, на тень, скрывшую верхний рог месяца, — на тусклый силуэт огромного дирижабля, под которым качалась ребристая гондола. Воздух заполнил едва различимый, но всепроницающий гул, чье ритмичное эхо отразилось от купола ночных небес.

Горбун вспрыгнул на подножку и хлестнул испуганную лошадь; его экипаж рванулся вперед, отбросив тележку прохожего к каменному устью набережной и разметав тряпье по мостовой. Ошеломленный зрелищем старьевщик этого даже не заметил. Под свист ветра и гул пропеллеров над головой горбун торопился обогнуть низину Найн-Элмс, чтобы поскорее скрыться в Вестминстере. Дирижабль же, потихоньку снижаясь, продолжал свой полет, увлекаемый ветром к Вест-Энду...

На Джермин-стрит дома стояли темными, а переулки были безлюдны. Ветер стучал незакрепленными ставнями и незапертыми дверьми, раскачивал новую деревянную вывеску «Трубок

капитана Пауэrsa», пока в ранних сумерках наконец не сдернул ее со штыря и не погнал кувырком вдоль по Споуд-стрит. Источниками света здесь служили лишь пара тусклых газовых фонарей в окне мансарды напротив. Всякий, кто попытался бы всмотреться в это окошко, стоя в лавке капитана Пауэrsa, был бы сражен видом птеродактиля с отталкивающей ухмылкой на скорбно опущенном каучуковом клюве. Позади доисторической птицы виднелось чье-то лицо, с очевидным неодобрением изучавшее сквозь окуляры распластанное на верстаке тельце обезьяны.

Впрочем, вовсе не предмет исследования тревожил человека в очках, а ветер. Что-то в его порывах заставляло нервничать, беспокоиться. Слишком много шума, причем шума зловещего. Когда же завывания ветреной ночи стихли, угасли, обратившись шорохами — то ли шепот листы сломанной ветки камфорного дерева на площади Сент-Джеймс, то ли шуршание смятой засаленной газеты, — и заскребли по оконному стеклу, мастер подскочил в испуге, злясь на себя. Не время было ложиться, солнце и так вскоре загонит его в постель — он шагнул к окну, распахнул оконную створку и высунулся в ночь.

А ветер и в самом деле нес странные звуки — сухой шелест насекомых, гул пчел... и что-то еще, не поддающееся точному определению. Поражаясь отсутствию тумана, он под-

нял глаза на звездное небо и месяц, повисший в небесах фигуркой из слоновой кости — тонкой, но достаточно яркой, чтобы по улице плыли призрачные контуры коньков крыш и дымовых труб.

Наконец, затворив оконную створку, мастер вернулся к своему верстаку с крошечным разобраным механизмом в глубочайшем недоумении. Гул насекомых начал стихать, а ползшая по брусчатке овальная тень удалилась в направлении Ковент-Гарден.

Еще не было четырех, когда лоточники всех мастей уже сгрудились на рынке, и потому всякому вновь прибывшему приходилось искать место, толкаясь и протискиваясь сквозь толпы зеленщиков, мусорщиков, нищих, проповедников и кошек.

Телеги и фургоны, полные овощей, сомкнули ряды вдоль трех сторон площади, заполнив ее горами лука и капусты, гороха и сельдерея. Западную же сторону запрудили коробки и корзины с благоуханным содержимым: розами, вербенами, гелиотропами, фуксиями... Исходящие от растений ароматы навевали воспоминания о местах, далеких от бурлящей сутолоки Боу-стрит и Мейден-лейн, да только воспоминания эти сразу же блекли под натиском сотен иных противоречивых запахов.

Запряженные ослими повозки и телеги забили все пять улиц, ведущих с площади. Среди них девицы с колючими связками шиповника,

соперничая с торговками яблоками, громогласно нахваливали свой товар. Весь рынок мерцал в свете газовых ламп и тысяч свечей, воткнутых в картофелины и горлышки бутылок или же прилепленных поверх потеков расплавленного воска на ручках тележек и на подоконниках, что пониже. На ветру их желтые огни танцевали, притухая и вспыхивая вновь.

Долговязый, истрепанный годами проповедник, всем и каждому представлявшийся как Шилох — сын Божий, дрожа на ветру в своей истрепанной рясе, грелся, то и дело выкрикивая назидательные призывы. Он наугад тыкал в лица прохожим свои брошюры, принимая сыпавшиеся отовсюду проклятия и затрецины с тою же невозмутимостью, с какой толпа пропускала мимо ушей его разглагольствования о грядущем конце света.

Месяц, желтый и тонкий, опустился за вокзал Ватерлоо, и звезды уже меркли одна за другой, когда дирижабль миновал рынок, а затем проплыл над набережной Виктории на своем пути к Биллингсгейту и Петтикоут-лейн. Всего на несколько секунд, когда качавшаяся под тушей дирижабля речная гондола оказалась высвечена бледным светом низкого месяца и его отсветами в облаках, тысячи лиц обратились к небу, и крик ужаса взмыл к небесам. Порыв ветра донес до замерших на площади людей скрип и вибрацию, смешанные с гулом вращающихся пропеллеров.

Внутри гондолы, с таким видом, словно ему доверили править не менее чем самой Луной, высилась неподвижная фигура в шляпе.

Пилот стоял, крепко сжав штурвал и широко расставив ноги, подобно рулевому на судне, борющемуся с океанской качкой. Ветер трепал его изодранный плащ, хлопал фалдами, открывая взглядам темный изгиб грудной клетки, начисто лишенной плоти, и мертвенный лунный свет блестел в полумесяцах пустоты меж ребрами. Ручные кандалы приковывали пилота к штурвалу, каковой и сам был надежно привязан к опорной стойке меж двух застекленных иллюминаторов.

Гондола выправилась, и месяц скрылся за коньками крыш. Дирижабль, басовито жужжа, продолжал полет, непреклонно придерживаясь курса на восток Лондона. Для проповедника появление воздушного судна с чудовищным рулевым стало посланным свыше знамением, начертанными на стене загадочными письменами, даже более верной приметой приближения Судного дня, чем приближение какой-то кометы. Дела его незамедлительно пошли на лад, и круглая дюжина новообращенных простаков потеряли свои кровные к тому времени, как солнце удосушилось подняться на востоке.

На рассвете дирижабль был замечен над Биллингсгейтом. Потертая ненастями гондола скрипела на ветру, словно корпус корабля на неспешной волне, а ее зловеющий рулевой,

прикованный к деревянной раковине перевернутого «орлиного гнезда», совсем как морской волк, брошенный былыми товарищами на затерянной в море скале, незряче взирал вниз, на телеги рыбаков, на рыночных перекупщиков и на снующие тачки с корзинами, полными моллюсков и угрей.

Беззаботный ветер, кружа, нес запахи свежего улова дальше на восток, вдоль Нижней Темза-стрит, чтобы омыть здание Таможни и лондонский Тауэр душком морских водорослей, соленых брызг и отмелей, сохнувших на отливе. Продавец кальмаров, стащив с себя кепку и щурясь на рассветную зарю, безрадостно покачал головой вслед пролетевшему аэростату, а затем коснулся лба двумя пальцами, словно отдавая салют его странному пилоту, да и вернулся к торговле эластичными обитателями морей, которые скорбно тарацились на него из своей корзины. Шли они по три штуки за пенс.

Людам на Петтикоут-лейн было недосуг празднично разглядывать диковинное судно у себя над головами. В ярких лучах солнца, сменивших отраженный свет юной луны, аэростат отчасти утратил загадочный флер и уже не мог сойти за предвестника всеобщей гибели. Нет, они задирали головы, тыча в небо пальцами, но единственным, кто при виде дирижабля пустился ему вослед, был некий служитель науки, облаченный в строгий сюртук из шерстяной